Точка на карте

УДК 904(571.121) DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-108-119

Гусев Андрей Васильевич
старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии ГАУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского» (Россия, ЯНАО)
ORCID 0000-0003-1812-4741
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

Перцев Никита Викторович
заведующий сектором археологии и этнографии ГАУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского» (Россия, ЯНАО)
ORCID 0009-0000-8664-7769
E-mail: pertsev1991@yandex.ru

Плеханов Андрей Владимирович
и. о. заведующего, руководитель клубного формирования Историко-архитектурного комплекса «Обдорский острог» (Россия, ЯНАО)
ORCID 0000-0001-7334-6684
E-mail: andrei_plehanov@mail.ru

Сабаров Александр Николаевич
начальник отдела государственной охраны, сохранения, популяризации и организационной работы Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
ORCID 0009-0006-2481-0894
E-mail: Sabarov79@gmail.com

Полуйский городок: от точки на чертеже С. У. Ремезова до объекта культурного наследия

АННОТАЦИЯ. В работе изложены результаты научно-исследовательского проекта по локализации объектов культурного наследия на территории Нижнего Приобья, отмеченных в трудах тобольского картографа С. У. Ремезова. Представляемая статья посвящена поиску одного из таких объектов — Полуйскому городку, отмеченному в Хорографической чертежной книге на левом берегу реки Полуй. Приведенные в статье рассуждения о назначении городков показывают возможность их нахождения в стороне от торговых маршрутов. Помимо традиционных исторических методов, включающих анализ и сопоставление разнообразных письменных и картографических источников XVIII в., в ходе работ по выявлению возможной локализации искомого городка авторы провели анализ микротопонимики района исследования, позволивший существенно сузить ареал поиска. Лингвистические данные привлекались авторами для решения вопроса об атрибуции Полуйского городка, как ранее неизвестного памятника археологии в малоизученной местности. Новым шагом к конкретизации месторасположения городка стало применение ГИС-технологий, в частности авторами был проведен анализ растительного покрова района исследования, выявивший аномалии, связанные с существованием в прошлом долговременного поселения на одном из ограниченных участков поиска. Натурные исследования местности были проведены в 2021 г. и позволили выявить ранее неизвестный укрепленный пункт, который ассоциируется с искомым Полуйским городком. Анализ полученных в ходе шурфовки материалов позволил датировать объект периодом позднего Средневековья — Нового времени, то есть временем существования городка, указанного С. У. Ремезовым. Таким образом, полученные результаты подтверждают точность сведений, передаваемых С. У. Ремезовым.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Север Западной Сибири, С. У. Ремезов, историческая география, памятник археологии, городок

Для цитирования: Перцев Н. В., Гусев А. В., Плеханов А. В., Сабаров А. Н. Полуйский городок: от точки на чертеже С. У. Ремезова до объекта культурного наследия // Историко-географический журнал. 2025. Т. 4, № 2. С. 108–119. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-108-119.

Поступила в редакцию 18.04.2025
Принята к публикации 01.07.2025

© Гусев А. В., Перцев Н. В., Плеханов А. В., Сабаров А. Н., 2025

Point on the Map

UDC 904(571.121) DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-108-119

Andrey V. Gusev
Yamalo-Nenets Autonomous District Museum and Exhibition Complex named after I. S. Shemanovsky (Russia, Yamalo-Nenets Autonomous District, Salekhard)
ORCID 0000-0003-1812-4741
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

Nikita V. Pertsev
Yamalo-Nenets Autonomous District Museum and Exhibition Complex named after I. S. Shemanovsky (Russia, Yamalo-Nenets Autonomous District, Salekhard)
E-mail: pertsev1991@yandex.ru
ORCID 0009-0000-8664-7769

Andrey V. Plekhanov
Head of the club formation of the Obdorsky Ostrog Historical and Architectural Complex (Russia, Yamalo-Nenets Autonomous District, Salekhard)
E-mail: andrei_plehanov@mail.ru
ORCID 0000-0001-7334-6684

Alexander N. Sabarov
Department of State Protection, Preservation, Popularization and Organizational Work of the Service of State Protection of Cultural Heritage Sites of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra (Russia, Yamalo-Nenets Autonomous District)
E-mail: Sabarov79@gmail.com
ORCID 0009-0006-2481-0894

Poluysky Gorodok: From a Point on S. U. Remezov's Drawing to a Cultural Heritage Site

ABSTRACT. The paper presents the results of a research project on localization of cultural heritage sites in the Lower Ob region, noted in the works of the Tobolsk cartographer S. U. Remezov. The article is devoted to the search for one of these sites — Poluysky Gorodok (small-town), noted in the Chorographical Drawing Book on the left bank of the Poluy River. The discussions of the purpose of the towns presented in the article show the possibility of their location away from trade routes. In addition to traditional historical methods, including analysis and comparison of various written and cartographic sources of the 18th century, in the course of work to identify the possible localization of the site, the authors analyzed the microtoponymy of the study area, which made it possible to significantly narrow the search area. Linguistic data were used to resolve the issue of attribution of Poluysky Gorodok as a previously unknown archaeological object in a poorly studied area. A new step towards specifying the location of the site was the use of GIS technologies. Specifically, the authors analyzed the vegetation cover of the study area, which revealed anomalies associated with the existence of a long-term settlement in the past in one of the limited search areas. Field studies of the area were carried out in 2021 and made it possible to identify the previously unknown fortified point associated with Poluysky Gorodok. Analysing the materials obtained during the pitting allowed dating the object to the late Middle Ages - Modern times, that is, the time of the existence of the settlement indicated by S. U. Remezov. Thus, the results obtained once again emphasize the accuracy of the information provided by S. U. Remezov.

KEYWORDS: North of Western Siberia, S. U. Remezov, historical geography, archaeological site, settlement

For citation: Gusev A. V., Pertsev N. V., Plekhanov A. V., Sabarov A. N. [Poluysky Gorodok: From a Point on S. U. Remezov's Drawing to a Cultural Heritage Site]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2025, vol. 4, no. 2, pp. 108–119. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-4-1-108-119 (In Russian).

Received 18 April 2025
Accepted 1 July 2025

© 2025 The Authors

Введение

Картографическое наследие тобольского самородка С. У. Ремезова активно привлекается к исследованиям различных направлений исторического знания[1]. Давно подмечен информативный потенциал его «чертежей» как для локализации отдельных географических объектов, так и для целостного описания регионов Сибири XVII–XVIII вв. Перспективы использования ремезовских атласов, в первую очередь — «Хорографической чертежной книги» (далее — ХЧК), для поиска объектов культурного наследия рассматривались авторами ранее[2]. В литературе подчеркнута особенность данного исторического источника, представляющего собой «справочник, который в настоящее время можно использовать в том числе и для решения современных археологических задач»[3].

В настоящей работе изложен результат комплексного подхода к поиску ранее неизвестного археологического объекта, расположенного в нижнем течении правого притока Оби — реки Полуй на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Данный городок впервые отмечен С. У. Ремезовым в ХЧК (лист 116) напротив городка «Обдорских служилых» (на месте будущего Обдорского острога) и помечен припиской «городок Полуйской .х (ходу. — Авт.) .а. де (1 день — Авт.)»[4] (см. цв. вклейку, *рис. 4*).

В литературе встречается информация о двух Полуйских городках, расположенных на разных берегах реки Полуй. Первый из них также известен под названием Полуйский мысовой или Носовой, информация о котором впервые фиксируется в переписке английского фактора А. Марша с нанятыми им для проведывания путей в Сибирь русскими агентами[5]. Этот городок впоследствии станет центром обширной Обдорской волости, резиденцией местного князя, на его базе будет организовано Полуйское зимовье (Обдорская застава), а с 1731 г. здесь будет возведен Обдорский острог (давший начало современному городу Салехарду). Второй одноименный городок, расположенный на противоположной стороне реки, в отдалении от ее устья, впервые фиксируется именно в ХЧК. Для упрощения первый из городков далее по тексту мы будем называть Носовым, а второй — Полуйским городком.

Расположение второго городка, являющегося объектом данного исследования, во многом необычно. Большинство известных из письменных и картографических источников городков Севера Западной Сибири, как правило, были строго привязаны к основным торговым артериям региона, а именно — к реке Оби и ее крупным притокам[6], в то время как Полуйский городок помещен С. У. Ремезовым в стороне от традиционных коммуникаций, его обитатели не могли при таком расположении быть постоянными агентами торговых отношений. Очевидно, что именно этим и объясняется отсутствие информации о нем в прочих источниках, например, в первом общерусском реестре земель — «Книге большому чертежу».

Особенности локализации городков, их общее устройство и экономические стратегии

На сегодняшний день количество городков позднего Средневековья — Нового времени — на территории низовий Оби, известных по письменным данным и зафиксированных археологически, существенно различается. Согласно историческим сведениям, можно предполагать существование приблизительно до двух десятков пунктов длительного проживания аборигенного населения[7], при этом археологические данные демонстрируют куда более скромные показатели — 7–8 идентифицированных объектов. Такое расхождение обусловлено в первую очередь разной

[1] Тихонов С. С. Карты С. У. Ремезова в археолого-этнографических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 52–56.

[2] Перцев Н. В., Сабаров А. Н. Аборигенные городки Нижнего Приобья в XVI–XVII Вв. (из опыта создания исторической карты) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2017. С. 74–81.

[3] Зауралье в атласах С. У. Ремезова: систематизация расселения и функциональное назначение карт на примере первичного освоения Тоболо-Иртышья на рубеже XVII и XVIII вв. / Костомаров В. М., [и др.] // Журнал фронтирных исследований. 2025. № 2. С. 181.

[4] Хорографическая чертежная книга С. У. Ремезова. Тобольск, 2011. Т. 1. Л. 116.

[5] Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XII–XVII вв. Введение, тексты и комментарии. Изд. второе. Иркутск, 1941. С. 191.

[6] Перцев Н. В. Аборигенные городки Нижнего Приобья XV–XVII вв.: торговый аспект // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 154–158.

[7] Перцев Н. В. Аборигенные «городки» Нижнего Приобья XVI–XVII вв.: проблемы выявления и соотношения письменных и археологических источников // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 102–109.

степенью сохранности и изученности памятников. Так, если на Надымском, Войкарском и Носовом (Обдорском) городках в разные годы были начаты многолетние стационарные исследования, в том или ином объеме давшие понимание их хронологии, планиграфии и др., то сведения по Пельвожу, Рунимову, городищу Лесмиеган II (городок Лосма по ХЧК) и ряду других ограничены разведочными сборами и шурфовкой. Еще один пункт — городище Белая Гора (Шурышкарский городок по ХЧК, также известный как городище Лорвож) — оказался и вовсе смыт водами озера Шурышкарский сор незадолго до начала планомерного изучения этой проблемы археологами, в 1976 г. удалось лишь провести раскопки на осыпающейся периферии населенного пункта[8]. Нужно отметить, что наряду с хронологической привязкой, критерием соотнесения археологического памятника с городком — то есть резиденцией местного князьца и местом продолжительного проживания части подчиненного ему населения, как правило, выступает и фактор присутствия мощного органического культурного слоя, содержащего остатки деревянных строений, обилие древесной щепы, многочисленные артефакты из дерева, бересты, кожи, растительных остатков, и все это сохраняется благодаря многолетней мерзлоте.

Стоит также отметить, что все городки, невзирая на свое расположение, являли собой хорошо укрепленные пункты, что в условиях обстановки перманентной войны в регионе делало из них настоящие центры контроля над округой. С этим положением, по мнению ряда авторов, связано резкое исчезновение городков в течение XVII — первой трети XVIII в., когда вся описываемая территория постепенно входит в состав Российского государства, основой политики которого было умиротворение местного населения[9]. Рассуждая о локализации, можно констатировать, что такие городки, как Носовой, Пельвож, интересующий нас Полуйский, а также предположительно Белая Гора, занимали исключительно верхние площадки (мысовые выступы, кромки) надпойменных террас. Тем самым они доминировали над окружающим пространством, их обитатели могли выгодно использовать высоту рельефа в качестве основной или дополнительной фортификации. В иных условиях оказались расположены другие археологические памятники, также с мощным культурным слоем — Войкарский в пойменной долине Оби[10], Надымский — в схожей по условиям дельте р. Надым. Рунимов городок расположился на пологом склоне обской террасы, но точно не на верхней площадке, находящейся поблизости.

Эти обстоятельства не могли остаться вне внимания исследователей. Еще до начала многолетних раскопок ряда упомянутых городков А. В. Головневым была высказана мысль о том, что крепости на открытых высоких берегах рек подчеркивали высокий статус князька (богатыря). Иной подход заключался в сокрытии городков в низких местах, что могло отражать наличие в округе более сильных конкурентов[11]. По мере становления археологических работ в регионе такое понимание удалось во многом конкретизировать, а выводы исследователей стали базироваться на материалах конкретных памятников. Так, Надымский городок был идентифицирован автором раскопок О. В. Кардашем как военно-административный центр князей Большой Карачеи, получивший экономический подъем в условиях меновой торговли и регулярных грабительских экспедиций. Не обнаружив остатков явных фортификационных укреплений, он охарактеризовал его как «пункт с укрепленной «оборонительной жилой зоной», где задачи фортификации выполнял «овал, сформированный наружней стеной»[12]. Схожим образом он охарактеризовал и устройство Полуйского Носового городка, имеющего внешнее сходство с «заросшей мхом и травой сопкой» без специальных фортификационных сооружений[13], хотя и располагался на высоком останце. Основой функционирования была ставка в устье р. Полуй резиденции остяцких князей Тайшиных, собиравших ясак с жителей прилегающей территории.

---

[8] Сыркина И. А. Клад с городища Лорвож (XII в.) // Советская археология. 1983. № 4. С. 182–198.

[9] Мартынова Е. П. «Разных земель люди», «разных городков люди»: Этногенетические процессы в Северном Приобье по материалам этнографических исследований // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое. Ханты-Мансийск; Томск, 2013. С. 49–50.

[10] Брусницына А. Г. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., Тобольск). Тобольск, 2003. С. 32–33.

[11] Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 143.

[12] Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи. Екатеринбург; Салехард, 2013. С. 42. (Обдорские городки конца XVI — первой трети XVIII в. История и материальная культура.)

[13] Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард, 2013. С. 284. (Обдорские городки конца XVI — первой трети XVIII в. История и материальная культура.)

Н. В. Федорова, опираясь на свои данные раскопок Войкарского городка, пишет о наличии двух типовых оборонительных частоколов для XV и XVII вв., зафиксированных раскопками частично, но однозначно вне всякого перекрывающего поселение купола. В качестве экономической подосновы стало удобное расположение на транспортном пути и специализация на меновой торговле привозными и ремесленными товарами между оседлым-кочевым населением. Рассуждая о факторах возникновения синхронных по времени поселений, она же высказала версию о многовариантности экономических стратегий применительно к отдельным аборигенным населенным пунктам: «...не произошло ли включение в понятие «городки» разных по назначению поселений, а именно: резиденции «князя» (Носовой. — Авт.), ремесленно-торгового центра (*Войкарский*), возможно, ставки группы лиц, специализирующихся на грабеже соседей (*Надымский*)»[14]. Такой подход представляется сегодня весьма перспективным. К тому же подталкивает и анализ локализации городков, тяготеющих к устьям крупных обских притоков, то есть максимально приближенных к общему транспортному коридору по Оби, где пролегали как лодочные летние, так и зимние оленные пути. Добавим к данному размышлению и то, что в зависимости от сезонности население Северного Приобья могло менять места проживания исходя из хозяйственной необходимости. В этом аспекте выбор места под строительство городка вполне мог исходить не только из торгового аспекта, но и из принципов построения традиционного хозяйствования, что обусловило появление городков в некотором отдалении от основных торговых коммуникаций.

Картографические, лингвистические и этнографические основания

Несмотря на то, что на археологической карте ЯНАО район левобережья реки Полуй в его нижнем течении выступает неисследованной и малоперспективной территорией, наличие на Ремезовском рисунке сразу двух городков в этой зоне ставит вопрос о необходимости проведения здесь археологических исследований. Для уточнения данных ХЧК были взяты путевые записки Г. Ф. Миллера. При своей бытности в составе второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) этот автор тщательно собирал географические данные с целью создания подробного географического описания Сибири[15].

О городке Г. Ф. Миллер пишет следующее:

«Еще на реке *Полуй* (здесь и далее курсив наш. — Авт.) имеется Полуйский городок, по-остяцки Pul-wasch, по-самоедски *Lar-garden*, на южном берегу, примерно в 20 верстах от последней указанной речки (*река Пашерская на северном берегу Полуя. — Авт.*). Здесь находятся остяцкие зимние жилища Обдорской волости»[16].

На предварительном этапе нами был проведен анализ микротопонимики района исследования. В результате в нижнем течении р. Полуй на левом берегу были выявлены притоки, названия которых напрямую восходят к некогда находящимся на них населенным пунктам: Васьеган (*ханты*: «города река») и Пульяхгарт (от *ханты:* Pul-ja- — «Полуйская речка»*;* от нен.: *Garden — «город»*). Обратим внимание, что Г. Ф. Миллер напрямую привязывает пространственную атрибуцию Полуйского городка именно к реке Полуй. Вычисление расстояний, данных этим автором, позволяет локализовать Полуйский городок в устье небольшой реки Васьеган (см. цв. вклейку, *рис. 5*).

Впрочем, в современной научной литературе можно встретить мнение об иной локализации Полуйского городка. Например, О. В. Кардаш видит в объекте, помещенном в ХЧК на южном берегу Полуя, известный по археологическим данным Пельвожский городок на р. Собтыеган (приток Игорской Оби, впадающий в нее в районе современного пос. Пельвож). По мнению автора, при составлении чертежа С. У. Ремезов мог допустить неточность[17], вероятно, его смутило столь отдаленное расположение Полуйского городка, локализованного тобольским картографом в глубине материка, вдалеке от основных коммуникаций. Между тем исследования Пельвожского городка (городище Пельвож II), расположенного недалеко от современного поселка Пельвож, показало наличие культурного слоя позднего Средневековья — раннего Нового времени[18], то есть периода существо-

[14] Федорова Н. В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность. Очерки. Омск, 2019. С. 27.

[15] Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. Екатеринбург, 2006. С. 7–9.

[16] Там же. С. 129.

[17] Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок... С. 44.

[18] Брусницына А. Г. Современная источниковая база изучения позднего железного века полярной зоны Западной

вания искомого Полуйского городка. Более того, по мнению О. В. Кардаша, существуют и лингвистические основания ассоциации этих пунктов, а именно созвучие названий Пельвож и Pul-wasch[19].

В действительности такое положение Пельвожского городка вполне может согласоваться с чертежом С. У. Ремезова, при условии, что данный автор не имел возможности посетить данную территорию и пользовался весьма условными источниками, из-за чего вряд ли мог хорошо ориентироваться в географических реалиях Нижнего Приобья. Более того, упомянутый ранее Пельвожский городок отсутствует как на чертежах Хорографической книги, так и в более поздних атласах С. У. Ремезова[20]. Однако этому противоречат другие источники. В карте Тобольского наместничества Тобольской области Березовского округа (1792 г.) Полуйский городок обозначен ровно на том же месте, что и у С. У. Ремезова, — на южном берегу Полуя, глубоко вверх по течению от его устья (см. цв. вклейку, *рис. 6*). Одновременное сосуществование топонимов *Обдорский*, *Пельвожский* и *Полуйский* городки зафиксировано в списках «древних» остяцких городков Обдорской волости[21]. Аналогичная ситуация выявляется при рассмотрении данных ревизий 1782, 1816 и 1858 гг., в которых присутствуют как юрты Пельвожские (Пельвожский городок), так и Полуйские (Полуйский городок)[22]. Позволим себе предположить, что под Пельвожским городком скрывается упомянутый в «Книге большому чертежу» город Ирка: «А от Носового (городка. — Авт.) 70 верст, с правой стороны Оби, город *Ирка*»[23], название которого, вероятно, восходит к протекающей в его локализации Игорской Оби.

Важно также учитывать «самоедское» название Полуя, зафиксированное Г. Ф. Миллером. Очевидно, что название Lar-garden (где garden с *нен.*: «город») восходит к распространенной фамилии ненецкого рода (хантыйского происхождения) Лар, предки которого некогда обитали на реке Полуй[24]. Само название этой реки в ненецком языке звучит как Лар-яха (где ja с *нен.*: «река»). Таким образом, «самоедское» название искомого пункта напрямую приводит нас к реке Полуй, а не к Оби с ее многочисленными протоками.

В силу вышеизложенного остановимся на двух ключевых для нашей темы моментах:

Полуйский городок может быть локализован только в нижнем течении реки Полуй, на левом (южном) берегу, в некотором отдалении от ее устья. Ассоциативная связь Полуйского городка из Хорографической книги с Пельвожским (на Игорской Оби) городищем не имеет никаких оснований, чему свидетельствуют как лингвистические данные, так и более поздние источники.

Анализ чертежей С. У. Ремезова при сопоставлении его данных с иными источниками еще раз показывает реалистичность построения его географической модели. Несмотря на ментальную условность ремезовской картографии, картограф эмпирически, через призму практического опыта, фиксировал сибирские расстояния, приравнивая точные версты и условные «дни пути». Для административного управления (для которого и создавались чертежи С. У. Ремезовым) важнее показать связи между локациями, а не километраж, кроме того, традиция русского «чертежа» воспринимает пространство как сеть опорных точек, а не как плоскость с координатами. Из этого следует, что важнейшей задачей перед автором чертежа стояла точная локализация отдельных пунктов в общей системе объектов какого-либо региона, а следовательно — его пространственная атрибуция и отношение к прочим пунктам и географическим маркерам. Аналогичные выводы о функции ремезовских атласов в целом и наиболее подробном из них — ХЧК — получили исследователи, которые провели подробный анализ источников с помощью ГИС-технологий. По их выкладкам ХЧК создавалась для внутренних нужд Тобольской администрации, в первую очередь для осуществления налоговой политики, что объясняет и ее неофициальный статус: ХЧК

Сибири // Научный вестник ЯНАО. Салехард, 2000. Вып. 3: Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 года. С. 38.

[19] Кардаш О. В. Полуйский мысовый городок… С. 40.

[20] Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная в 1699–1700 гг. С. У. Ремезовым и его сыновьями // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 346. 46 л.

[21] Абрамов Н. А. Описание Березовского края. Записки Императорского Русского географического общества. Тобольск, 1857. Кн. 12. С. 388.

[22] Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 332.

[23] Книга большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряд и списанная в книгу 1627 года. Изд. второе. СПб., 1838. С. 212.

[24] Квашнин Ю. Н. Названия родов в ненецкой топонимии // Антропологический форум. 2011. № 14 Online. С. 46.

«не дошла до центральной власти по причине условно «провокационного» содержания в силу своей подробности, что могло отразиться и на налоговом режиме Сибирской губернии»[25].

Применение ГИС-технологий при поиске объектов культурного наследия

Современные ГИС-технологии позволяют существенно сузить ареал поиска объектов археологического наследия. Одним из таких подходов может выступить анализ растительного покрова на предполагаемых участках поиска. Растительный покров может служить индикатором наличия скрытых археологических структур, таких как древние постройки, дороги, захоронения или культурные слои. Это связано с тем, что подземные объекты влияют на почвенные условия, что, в свою очередь, отражается на росте растений.

Наличие подземных структур (например, стен, фундаментов, канав) влияет на распределение влаги, питательных веществ и плотность почвы. Это приводит к изменению роста растений над такими объектами. Над археологическими объектами могут наблюдаться участки с более пышной или, наоборот, угнетенной растительностью.

На участках с высоким содержанием органики растительность часто демонстрирует более высокую продуктивность. Соответственно, весной, когда таяние снега обеспечивает обильное увлажнение, участки с высоким содержанием органики демонстрируют быстрый рост. В летний период, в зависимости от уровня влажности, показатель вегетации может оставаться высоким (при достаточном увлажнении) или снижаться (при заболачивании или засухе).

Осенью, с наступлением холодов, показатель масс растительности может снижаться, но на органических почвах этот процесс может происходить медленнее из-за более высокой теплоемкости почвы.

Органические остатки обеспечивают растения питательными веществами, что способствует активному росту и увеличению биомассы. В условиях лесотундры, где почвы обычно бедны питательными веществами, участки с высоким содержанием органики становятся «оазисами» с более густой и зеленой растительностью.

Вместе с тем, используя данный метод, необходимо учитывать следующие факторы, влияющие на точность анализа:

- «Тип растительности»: Разные виды растений по-разному реагируют на изменения почвенных условий.
- «Климатические условия»: засухи, избыточное увлажнение или сезонные изменения могут маскировать или усиливать аномалии вегетации.
- «Антропогенное воздействие», если таковое имеется.

С развитием технологий дистанционного зондирования и машинного обучения анализ вегетации становится более точным и доступным. Интеграция данных о вегетации с другими методами (например, LiDAR, георадар) позволяет получать более полную картину археологических объектов.

С помощью космических изображений и 3D (DEM — Digital Elevation Model или ЦМР — цифровая модель рельефа) модели местности определяются не подходящие области для выявления потенциальных участков нахождения археологических объектов (водоемы, заболоченные и подтапливаемые участки, тундровые участки). Полученные результаты позволяют вывести из области исследований неподходящие участки, и объем работ по использованию космических снимков сокращается.

NDVI (Normalized Difference Vegetation Index) — нормализованный относительный индекс растительности — простой количественный показатель количества фотосинтетически активной биомассы (обычно называемый вегетационным индексом). Один из самых распространенных и используемых индексов для решения задач, использующих количественные оценки растительного покрова. В качестве опыта для определения индекса растительности (NDVI) на исследуемой территории нами использовано бесплатное онлайн-приложение «OneSoil». Вычисления в данной программе проводятся по следующей формуле: NDVI=NIR-RED/NIR+RED, где:

NIR — отражение в ближней инфракрасной области спектра;

RED — отражение в красной области спектра.

Согласно этой формуле, плотность растительности (NDVI) в определенной точке изображения равна разнице интенсивностей отраженного света в красном и инфракрасном диапазоне, делен-

[25] Зауралье в атласах С. У. Ремезова… С. 180.

ной на сумму их интенсивностей. Многочисленные бесплатные GIS-инструменты позволяют выполнить мгновенный расчет.

Исследователи отмечают, что NDVI предназначен для измерения эколого-климатических характеристик растительности[26].

Анализ индекса NDVI на данной территории показал наличие аномальной структуры подпрямоугольной формы (см. цв. вклейку, *рис. 7*), имеющей высокие показатели индекса Normalized Difference Moisture Index (показатель уровня содержания влаги в растениях в инфракрасном диапазоне). Такой подход, как мы можем видеть, позволяет существенно ограничить ареал запланированных натурных обследований с нижнего течения р. Васьеган до конкретного участка террасы ее правого берега.

Как показало дальнейшее обследование памятника, склоны городища имеют значительный уклон, в связи с чем растительность высыхает быстрее, чем на вершине и у подножия холма.

Вместе с тем следует отметить основной недостаток данного метода — возможность использования съемки только времени сезона вегетации для исследуемого региона. В силу своей привязанности к количеству фотосинтезирующей биомассы NDVI не эффективен на снимках, полученных в сезон ослабленной или невегетирующей в этот период растительности.

Археологические исследования

Полевое археологическое обследование района предполагаемого расположения Полуйского городка было проведено соавторами публикации А. В. Гусевым и А. В. Плехановым в 2021 г.

Особенностью района археологического обследования является наличие обширных пойменных долин, по которым протекает современное русло реки, также расположено множество стариц, островков и безымянных озер. Это существенно затрудняет поиск археологических памятников, о чем, собственно, и свидетельствует крайне малое количество объектов, выявленных в бассейне этого обского притока. Непосредственно южный (левый) берег реки Полуй довольно низкий, изрезан многочисленными ручьями и небольшими притоками, среди которых наиболее крупными являются реки Дзеляю, Сормъеган и Васьеган.

Визуальный осмотр местности с закладкой разведочных шурфов проводился в глубине от русла по кромке коренной террасы левого берега р. Большой Полуй (на определенном участке своего течения р. Полуй разделяется на два русла, именуемые на современных картах как Большой и Горный Полуй), приблизительно в 10 км к юго-востоку от озера Полуйский сор (в 40 км от Полуйского мысового городка, расположенного в черте г. Салехарда).

В ходе осмотра левой коренной террасы Большого Полуя на удалении от современного русла реки до 350 м была обнаружена слабозалесенная мысовая площадка, располагавшаяся на слегка приподнятой над остальной частью террасы береговой кромке. Выраженный склон от площадки к подножию обращен на юго-запад, у его подножия протекает совсем небольшая по своей протяженности (< 10 км) река Васьеган. Северная и северо-восточная части площадки не имели выраженных в рельефе перепадов и просто плавно трансформировались в кочковатую верховую тундру. С севера этот участок был ограничен руслом протоки Лаймуламъеган, протекающей вдоль коренного берега Большого Полуя и впадающей в заливное озеро (Полуйский сор). Протока эта довольно мелкая и доступна для передвижения лодкой лишь в первой половине лета, к осени уровень воды снижается и на отдельных участках ее русла полностью обнажается илистое дно. Собственно, в эту протоку Лаймуламъеган и впадает р. Васьеган. Берега в этом районе сложены супесями с превалирующей долей глины, повсеместно распространены верховые заболоченные тундры, участки между ними поросли смешанным хвойно-лиственным лесом. Тем самым ландшафтные и гидрологические условия этого района таковы, что данный участок местности не воспринимался археологами как перспективный для поиска памятников археологии.

Размеры верхней площадки, на которой расположен памятник, составляли 55 × 20 м, форма — вытянутая по оси юго-запад — северо-восток. Высота площадки над урезом воды в реке составляет порядка 10–12 м. На высотных отметках 8–9 м от уреза воды в рельефе прослеживается некое

[26] Пашкевич М. А., Коротаева А. Э. Изучение воздействия растительности наземных экосистем на снижение углеродного следа на территории Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2021. № 4. С. 322.

подобие П-образного наклонного выступа, обращенного к излучине р. Васьеган (*рис. 1*). Скорее всего, это отражает некие планиграфические особенности памятника, но понять, что это за конструкция могла быть, без проведения раскопок невозможно. Средняя часть площадки достаточно ровная, остатков каких-либо объектов в виде впадин либо приподнятых оснований от построек визуально проследить не удалось.

Рис. 1. Полуйский городок. Вид мыса, на котором расположен памятник.
Снято с запада (с правого берега реки Васьёган)
Fig. 1. Poluysky Gorodok. View of the cape on which the monument is located.
Taken from the west (from the right bank of the Vasyogan River)

Поверхность площадки, а также склоны поросли очень густым злаковым разнотравьем высотой 0,5–1,5 м, что в условиях этих местностей свидетельствует о наличии мощного слоя гумуса и признаков человеческой активности. Подножия площадки со стороны реки, ручья и поймы — увлажненная, глинистая территория, поросла осоковыми и отдельными ивовыми скоплениями. В пойменных низинах поверхность покрыта высоким кочкарником. В ходе осмотра территории площадки памятника был обнаружен участок со следами незаконных покопок, вероятно, с целью поиска археологических артефактов. Судя по состоянию задернованности, ограбление происходило два-три года назад. Артефактов в ходе визуального осмотра выявлено не было, но под дерном прослеживалось присутствие органических напластований (см. цв. вклейку, *рис. 8*).

Для выяснения характера археологического культурного слоя установления его границ на поверхности площадки было заложено 3 археологических шурфа и сделана одна стратиграфическая зачистка. В трех пунктах были обнаружены культурные напластования, представленные древесной щепой, содержащей остатки деревянных конструкций, артефакты, пищевые остатки в виде разрозненных костей животных. Отчетливо элементы руинированных деревянных строений были зафиксированы в шурфах на площадке памятника (см. цв. вклейку, *рис. 9*). На глубинах 20–25 см от дневной поверхности начинались плотные скопления из обработанных стволиков деревьев и рубленных плашек, уложенных разнонаправленно относительно сторон света. К сожалению, вскрытие небольших участков на памятнике не позволило высказать сколько-нибудь аргументированные версии их интерпретации. С большой вероятностью можно соотносить деревянные элементы с типовыми постройками (остатками кровель, стен?), зафиксированными на исследованных ранее городках позднего Средневековья — Нового времени нашего региона (Надымский, Войкарский, Полуйский Носовой, Бухта Находка). На таких памятниках, благодаря обилию древесной органики и толстому гумусу, сформировались мощные линзы замороженного культурного слоя, в которых сохраняются в том числе самые разнообразные предметы из дерева, бересты, ткани, кожи. После выхода шурфов на уровень остатков плотно залегавших деревянных конструкций дальнейшие разведочные работы были приостановлены,

как того требует методика проведения археологических разведок. Можно добавить, что проследить мощность культурного слоя на таких памятниках также вряд ли возможно в рамках разведочной экспедиции из-за мерзлого его состояния.

Вещественный материал, обнаруженный в ходе шурфовки, имеет длительный период бытования, при этом демонстрирует типичные аналогии с находками на ранее изучавшихся археологами городках. В шурфе № 2 у юго-западного угла обнаружена рукоятка из дерева (см. цв. вклейку, *рис. 10.1*). Она имела уплощенную в сечении форму и расширяющееся навершие, противоположный конец клиновидно срезан. По своим внешним параметрам, за исключением клиновидного окончания, возможно, связанного с вторичным использованием, рукоятка имеет сходство с орудием для выбивания снега из меховой одежды. Такие инструменты известны по материалом раскопок Полуйского мысового[27], Надымского[28], Бухта Находка[29], Войкарского городков, датированных в промежутке от XII–XIII до XIX в. «Выбивалки» представляют собой прямые деревянные пластины овально-уплощенного сечения, рабочая часть, как правило, дуговидная, длина целых экземпляров составляет 30–60 см. Рукоять чаще всего оформлена в виде прямоугольного или округлого навершия, как и в нашем случае. На поселенческих памятниках такие орудия фиксировались на территориях жилых построек, в одном случае «выбивалка» была обнаружена в захоронении на могильнике Юр-Яха III (XI–XII вв., южная часть п-ва Ямал), где была положена за спиной умершего[30]. Такие орудия и в настоящее время бытуют у ненцев и хантов Нижней Оби, они имеют схожую форму, и свои называются — «янгач», «нархип»[31]. Традиционно мужские инструменты заметно отличаются от женских своей формой: первые, как правило, прямые с расширяющейся уплощенной рабочей частью, вторые напоминают по форме саблю или кинжал.

Кроме рукоятки в заполнении слоя древесной щепы были встречены два фрагмента медных пластинок, вырезанных из стенок привозных медных котлов (см. цв. вклейку, *рис. 10. 2-3*). Одна из пластинок трапециевидной формы с загнутыми на одну сторону кромками напоминает обкладку какого-то изделия, вторая — овальная, изогнутая в профиле, с небольшим отверстием в центре. Предположить функциональную принадлежность конкретно этих изделий довольно трудно. Обломки медных котлов в большом количестве встречены в культурных слоях перечисленных выше городков[32]. Завозилась такая посуда на западносибирский север в большом количестве, начиная с XIII в. Листовой металл вышедших из употребления котлов использовался весьма разнообразно. Разные по размерам и форме кусочки листовой меди шли на изготовление пронизок-украшений, разного рода декоративных накладок, жертвовались на ритуальных площадках.

Еще один небольшой обломок деревянной рукояти, встреченный при выборке разведочной зачистки на месте грабительских покопок, может ассоциироваться с рукоятями котловых ложек или лопаток для помешивания пищи в кипящем котле (см. цв. вклейку, *рис. 10.5*). Такие инструменты имели длинную рукоять, переходящую в углубленный или удлиненно-плоский черпак[33]. Навершие рукоятей также для удобства часто снабжалось расширением, как на найденном артефакте.

Наконец, последний предмет — точильный камень из мелкозернистой породы темного цвета — относится к распространенным в регионе предметам повседневного использования (см. цв. вклейку, *рис. 10.4*). Сырьем для таких изделий служили уплощенные овальные гальки, коих много встречается по берегам рек. Рабочие поверхности таких абразивов формировались в процесс использования — затачивания железных инструментов. Ввиду своей универсальности и массовости такие абразивы редко попадают на страницы публикаций, но в археологических коллекциях встречаются весьма часто.

Обнаруженные в ходе разведочных работ находки являются типичным массовым материалом для культурных слоев XII–XIX вв. уже известных городков позднего Средневековья — Нового времени в бассейне р. Оби, Надыма и южной части п-ва Ямал.

---

[27] Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок... С. 171. Рис. 3.1 1–6.

[28] Кардаш О. В. Надымский городок… С. 133. Рис. 3.3 1–2.

[29] Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). Нефтеюганск, 2011. С. 22. Рис. 29 1–3.

[30] Плеханов А. В. Новые исследования археологического памятника Юр-Яха III // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2016. № 3 (92). С. 18. Рис. 3.2.

[31] Лукина Н. В. Классификация и локальные особенности утвари хантов // Вестник угроведения. 2014. № 3 (18). С. 154.

[32] Кардаш О. В. Надымский городок… С. 168. Рис. 3,37 5–7.

[33] Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок… С. 187. Рис. 3, 19.

Заключение

Картографическое наследие С. У. Ремезова плотно вошло в обязательный список источников исследований совершенно разной направленности. Изложенный выше материал наглядно показывает, что при сопоставлении данных первых сибирских атласов с прочими источниками, главными из которых выступают путевые записки Г. Ф. Миллера (содержащие огромный пласт как чисто географических, так и этнографических, а также лингвистических данных) и топонимический материал района исследования. Обнаружение Полуйского городка в местности, совершенно не характерной для данного вида памятников, позволяет существенно скорректировать современные построения в области разведочных археологических работ. Скудность письменных источников наряду со сравнительно малыми размерами площадки памятника позволяет пока осторожно предполагать размещение на береговой излучине р. Васьеган укрепленного населенного пункта — резиденции местного князьца и его ближайшего окружения. Расположение городка на периферии от главной транспортной артерии реки Оби может характеризовать специфику территориальной группы местного населения, обитавшего в среднем и нижнем течении р. Полуй. Разумеется, такая версия требует проверки, возможной лишь вследствие комплексных археологических исследований.

Между тем, анализируя прочие объекты археологического наследия в данном районе, можно зафиксировать, что в непосредственной близости от Полуйского городка расположено два могильника. Один из них — Нюрымпосллор 2 на правом берегу р. Полуй, расположенный в 10 км к северо-востоку, исследовался в 2020–2021 гг. Результаты раскопок позволили датировать погребения периодом XVI — первой трети XVIII в. н. э.[34], то есть временем, синхронным с существованием пункта из ХЧК. В настоящее время было бы поспешно делать вывод о связи этих памятников, однако и как от рабочей гипотезы отказываться от нее нет оснований. Второй могильник (комплекс Зеленый Яр) расположен в 10,5 км к востоку от Полуйского городка и датируется более ранними периодами (X–XII и XIII–XIV вв.). Здесь следует отметить, что исследования, аналогичные Полуйскому Войкарского, Надымского и Носового городков, выявили более древнее по отношению к письменным источникам время их основания, восходящее к высокому Средневековью. Таким образом, дальнейшее исследование Полуйского городка сможет доказать или опровергнуть выдвинутые гипотезы о связях поселенческих и погребальных комплексов в регионе.

Вероятно, в будущем при применении изложенного выше подхода исследователям получится локализовать и другие городки, отображенные тобольским картографом в своих трудах. В настоящее время остается констатировать, что ХЧК обладает неисчерпаемым потенциалом для дальнейших исследований в области поиска археологических объектов.

References

Alekseev M. P. *Sibir' v izvestiyakh zapadno-yevropeyskikh puteshestvennikov i pisateley XII–XVII vv. Vvedeniye, teksty i kommentarii. 2-e izd.* [Siberia in the Works of Western European Travelers and Writers of the 12th–17th Centuries. Introduction, Texts, and Comments. 2nd ed.]. Irkutsk: Irkutskoye oblastnoye izd-vo Publ., 1941. (In Russian).

Brusnitsyna A. G. [Modern Source Base for Studying the Late Iron Age of the Polar Zone of Western Siberia]. *Nauchnyy vestnik YaNAO* [Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug]. Salekhard: Krasnyy Sever Publ., 2000, iss. 3: Archaeology and Ethnology. Materials of the Research Conference on the Results of Field Research in 1999, pp. 32–48. (In Russian).

Brusnitsyna A. G. [The Ust-Voykarskoye Settlement. Beginning of Study]. *Ugry. Materialy VI-go Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoye naslediye narodov Zapadnoy Sibiri" (9–11 dekabrya 2003 g., g. Tobol'sk)* [Ugrians. Proceedings of the 4th Siberian Symposium "Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia" (December 9–11, 2003, Tobolsk). Tobolsk: Tobol'skiy gos. istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik Publ., 2003, pp. 45–52. (In Russian).

Fedorova N. V. *Sever Zapadnoy Sibiri v zheleznom veke: traditsii i mobil'nost'. Ocherki* [The North of Western Siberia in the Iron Age: Traditions and Mobility. Essays]. Omsk: Zolotoy tirazh Publ., 2019. (In Russian).

[34] Гусев А. В., Некрасова О. А., Святова Е. О. Новые черты погребального обряда средневекового населения севера Западной Сибири (по материалам междисциплинарного исследования могильника Нюрымпосллор 2) // Самарский научный вестник. 2024. Т. 13, № 2. С. 116.

Golovnev A. V. *Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking Cultures: Samoyed and Ugrian Traditions]. Ekaterinburg: IIA UrO RAN Publ., 1995. (In Russian).

Gusev A. V., Nekrasova O. A., Svyatova E. O. [New Features of the Funeral Rite of the Medieval Population of the North of Western Siberia (Based on the Interdisciplinary Research Materials of the Nyurymposllor 2 Burial Ground)]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], 2024, vol. 13, no. 2, pp. 115–123. DOI: 10.55355/snv2024132205 (In Russian).

Kardash O. V. *Gorodok sikhirtya v Bukhte Nakhodka (pervyye rezul'taty issledovaniya)* [Hillfort of Sikhirtya of the Nakhodka Bight (The First Research Results)]. Nefteyugansk: ANO "Institut arkheologii Severa" Publ.; Ekaterinburg: izd-vo AMB Publ., 2011. (In Russian).

Kardash O. V. *Nadymskiy gorodok knyazey Bol'shoy Karachei* [Nadym Town under Princes of Bolshaya Karacheya]. Ekaterinburg; Salekhard: Magellan Publ., 2013. (Obdorsk Towns of the Late 16th — First Third of 17th Century. History and Material Culture). (In Russian).

Kardash O. V. *Poluyskiy mysovoy gorodok knyazey Tayshinykh* [Poluysk Settlement under Taishin Princes]. Ekaterinburg; Salekhard: Magellan Publ., 2013. (Obdorsk Towns of the Late 16th — First Third of 17th Century. History and Material Culture). (In Russian).

Kostomarov V. M., Krestyannikov K. Yu., Isaeva V. O., Kozlova D. V. [The Trans-Urals in S. U. Remezov's Atlases: Systematization of Settlement Patterns and Functional Purpose of Maps Based on the Initial Development of the Tobol-Irtysh Region at the Turn of the 17th and 18th Centuries]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2025, vol. 10, no. 2 (38), pp. 165–186. DOI: 10.46539/jfs.v10i2.657 (In Russian).

Kvashnin Yu. N. [Names of Clans in Nenets Toponymy]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2011, no. 14 Online, pp. 23–66. (In Russian).

Lukina N. V. [Classification and Local Peculiarities of Utensils of the Khanty]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2014, no. 3 (18), pp. 151–160. EDN: TBQKYJ. (In Russian).

Martynova E. P. ["People of Different Lands", "People of Different Towns": Ethnogenetic Processes in the Northern Ob Region Based on Ethnographic Research Materials]. *Sibirskiye ugry v ozherel'ye subarkticheskikh kul'tur: obshcheye i nepovtorimoye* [Siberian Ugrians in the Necklace of Subarctic Cultures: The Common and the Unique]. Khanty-Mansiysk; Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2013, pp. 34–51. (In Russian).

Pashkevich M. A., Korotaeva A. E. [Studying the Vegetation Impact of Terrestrial Ecosystems on Reducing the Carbon Footprint in in the Territory of the Russian Federation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti* [RUDN Journal of Ecology and Life Safety], 2021, vol. 29, no. 4, pp. 315–327. DOI: 10.22363/2313-2310-2021-29-4-315-327 (In Russian).

Perevalova E. V. *Severnyye khanty: etnicheskaya istoriya* [Northern Khanty: Ethnic History]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004. (In Russian).

Pertsev N. V. [Aboriginal "Small Towns" of the Lower Ob of the 16th–17th Centuries: Problems of Identification and Correlation of Written and Archaeological Sources]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 415, pp. 102–109. EDN: XXQLIX. DOI: 10.17223/15617793/415/13 (In Russian).

Pertsev N. V. [Aboriginal Small Towns of the Lower Ob of the 15th–16th Centuries: The Trade Aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2018, no. 426, pp. 154–158. EDN: YTMIUT. DOI: 10.17223/15617793/426/19 (In Russian).

Pertsev N. V., Sabarov A. N. [Aboriginal Small Towns of the Lower Ob Region in the 16th–17th Centuries (From the Experience of Creating a Historical Map)]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economy and Culture of the Medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia]. Kurgan: Izd-vo Kurgan. gos. un-ta Publ., 2017, pp. 74–81. (In Russian).

Plekhanov A. V. [New Studies of the Yur-Yakh III Archaeological Sites]. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug], 2016, no. 3 (92), pp. 18–21. (In Russian).

Syrkina I. A. [Treasure from the Lorvozh Settlement (12th Century)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1983, no. 4, pp. 182–198. (In Russian).

Tikhonov S. S. [The Maps by S. U. Remesov and Archaeological-Ethnographic Researches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya* [Tomsk State University Journal of History], 2013, no. 3 (23), pp. 52–56. EDN: QAILOP. (In Russian).

Рис. 4. Лист 116 «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова
с сохранением авторской ориентации чертежа
Fig. 4. Folio 116 of the «Chorographic Drawing Book» by S. U. Remezov
with the original drawing orientation preserved

Рис. 5. Соотнесение данных листа 116 ХЧК. 2.1. Русло реки Полуй с разворотом на северную ориентацию. 2.2. Спутниковый снимок района исследования
Fig. 5. Correlation of data from folio 116 of the ChDB. 2.1. The bed of the Poluy River with a turn to the northern orientation. 2.2. Satellite image of the study area

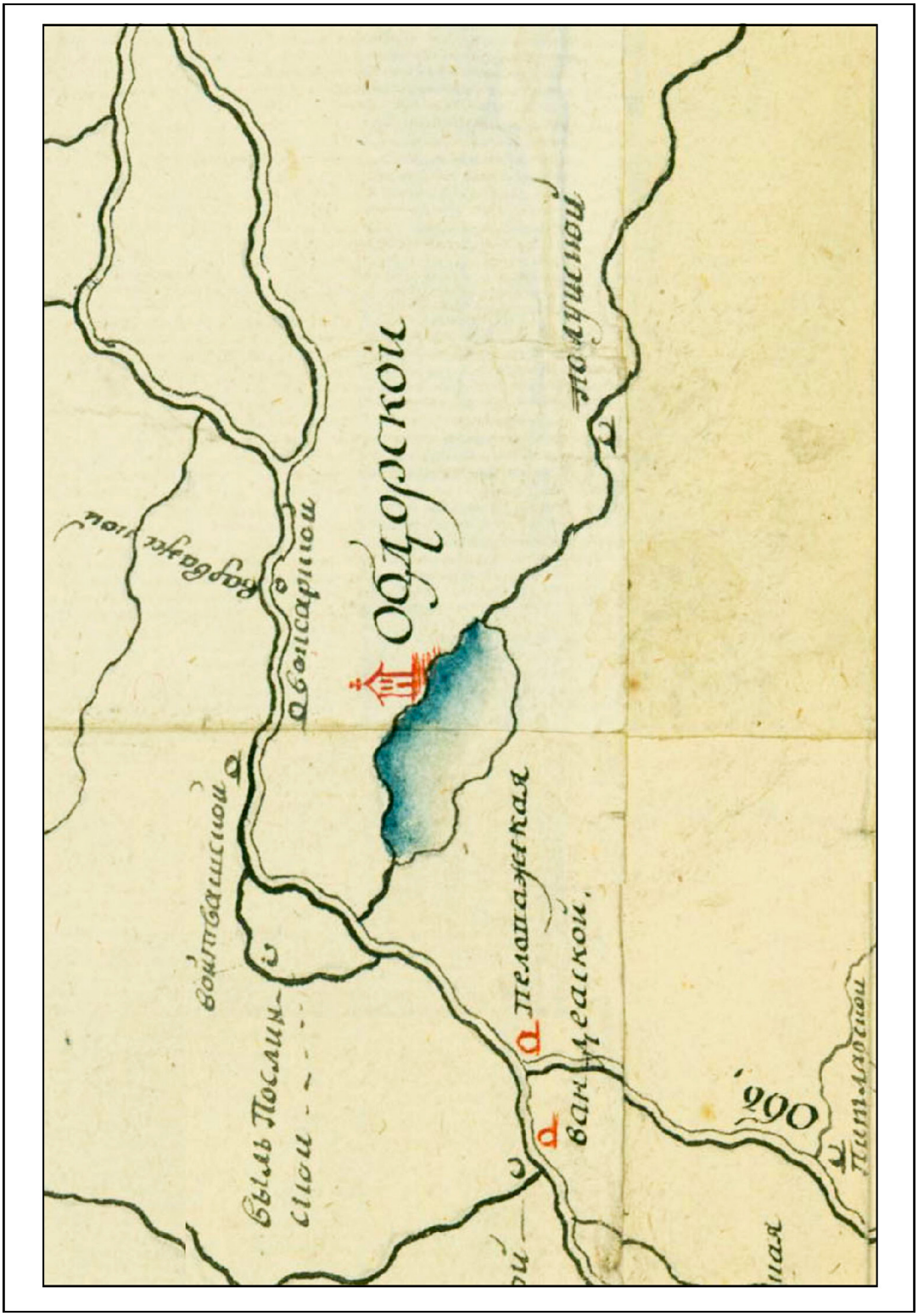

Рис. 6. Фрагмент карты Берёзовского уезда Тобольского наместничества (1792 г.)
Fig. 6. Fragment of the map of the Berezovsky district of the Tobolsk viceroyalty (1792)

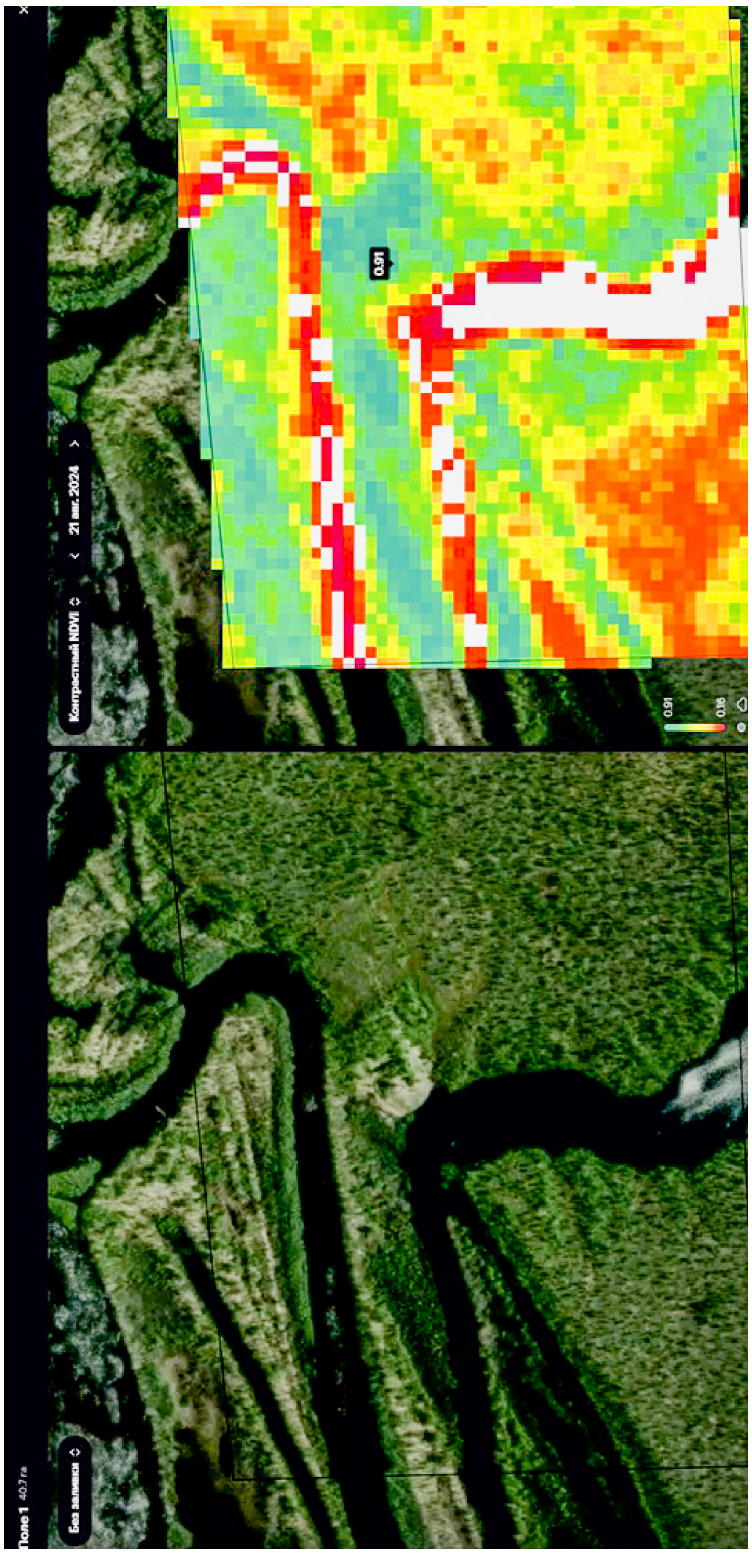

Рис. 7. Анализ индекса NDVI (NDMI) на участке обследования
Fig. 7. Analysis of the NDVI (NDMI) index in the survey area

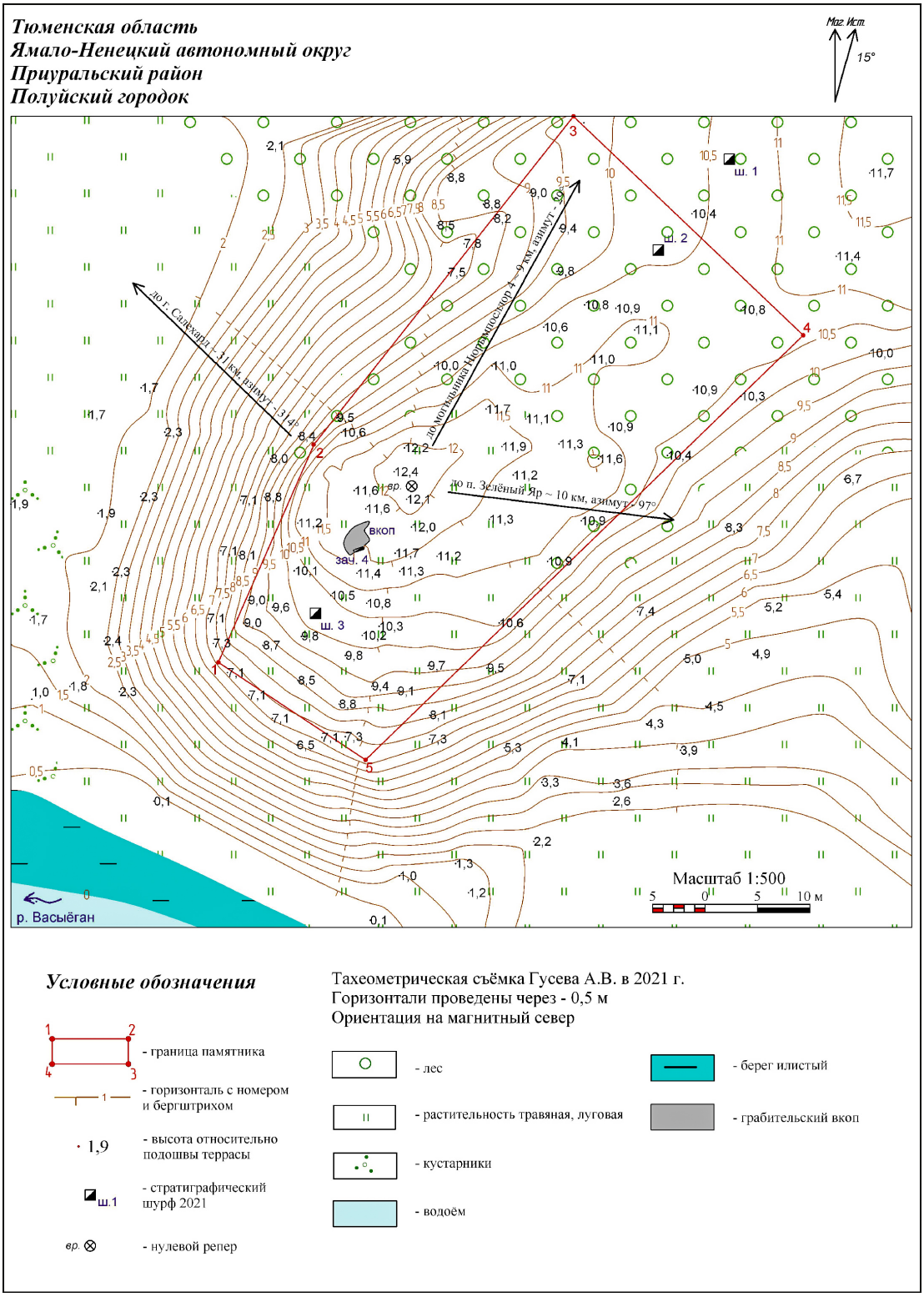

Рис. 8. Полуйский городок. Топографический план. Масштаб 1:500
Fig. 8. Poluysky Gorodok. Topographic plan. Scale 1:500

Рис. 9. Полуйский городок. Шурф № 3 на уровне залегания остатков деревянных конструкций. Снято сверху
Fig. 9. Poluysky Gorodok. Pit No. 3 at the level of the remains of wooden structures. Taken from above

Рис. 10. Полуйский городок. Находки: 1 — рукоять (дерево); 2–3 пластины-накладки (медь); 4 — точильный камень; 5 — фрагмент рукояти (дерево)
Fig. 10. Poluysky Gorodok. Finds: 1 — handle (wood); 2–3 plates-overlays (copper); 4 — whetstone; 5 — fragment of handle (wood)